

**Н.Л.Мусхелишвили,
Ю.А.Шрейдер**

Иов-ситуация Иозефа К.

Вопросы философии, 1993, № 7, с.172—176 [](#)**

Начнем с определения того, что такое Иов-ситуация. Прототипом и одновременно примером Иов-ситуации с позитивным выходом из нее является библейская книга Иова [***](#).

В чем суть ситуации Иова? В книге Иова описаны страдания праведника и не просто страдания праведника, а страдания человека, который по человеческим меркам, по меркам человеческой справедливости, этих страданий не заслужил. И тут главный момент - не сами страдания, потому что есть много примеров из истории, из человеческой жизни, когда страдания осмысленны и у человека не возникает вопрос: "За что мне эти страдания?" И у него есть ответ на другой вопрос: "Для чего даны эти страдания ему?" Но ситуация Иова характерна тем, что эти ниспосланные ему страдания вводят его в мир абсурда, когда человек теряет осмысленность существования. Поэтому основной лейтмотив книги Иова не сами страдания, не их безмерная тяжесть - Иов потерял сначала имущество, потом детей и, наконец, был поражен проказой так, что был вынужден усесться в пыли и расчесывать свои язвы кусочком черепицы - вот все, что ему осталось в жизни. Но дело не в физических страданиях и не в боли об утраченном, а в том, что он жаждет и не может понять смысла происходящего. Он обращается к Богу с требованием объяснить ему смысла происходящего с ним. Часто говорят о бунте Иова, но здесь дело не в бунте, не в сопротивлении Богу - дело в дерзости Иова, который апеллирует к Богу как источнику смысла, потому что в этот момент он уже потерял все. Вера Иова реализуется не а страхе Божьем, а в его попытке достучаться до Бога, в попытке обрести смысл происходящего. Книга Иова принадлежит к тем текстам, знание которых есть просто условие принадлежности человека к европейской культуре. В притче об Иове выражена убежденность европейского человека, воспитанного в иудео-христианской религиозной традиции в том, что происходящее в мире имеет свой смысл на метафизическом уровне. Это убеждение может воплощаться в наивной вере в то, что Бог воздает человеку по внятным последнему меркам справедливооти. Отсюда убеждение друзей Иова, пришедших его утешить в реальной вине Иова. Из этой убежденности фактически возникает проблема теодицеи - оправдания Бога в том зле, которое он допускает в мире. Прототипная Иов-ситуация в Библии разрешается отнюдь не на пути теодицеи - ситуация приобретает смысл, когда Бог вступает в разговор с Иовом, и тот не только перестает ощущать свою богооставленность, но и получает подтверждение правомерности своих вопрошаний. Библейская ситуация сейчас выступает для нас как некий образец или архетип. Одним из важнейших и интереснейших ситуаций является ситуация Иозефа К. в романе Кафки "Процесс".

Иозеф К. - благополучный служащий, прокурисст банка. Что такое прокурисст - это не очень понятно. Ясно одно, что Иозеф К., преуспевающий служащий банка, человек, принадлежащий к привилегированной структуре, пользующийся доверием начальства,

уважением сослуживцев, получающий за работу порядочную плату. Неожиданно над ним возникает угроза непонятного "процесса". Непонятно, в чем его вина, непонятно, какое предъявлено обвинение. Есть только страх неизбежного обвинительного приговора, который в конечном счете действительно реализуется как неминуемая смертная казнь. Но суть здесь не в самой казни, а в том, что Иозеф К. утрачивает понятие смысла. В некотором смысле участь Иозефа К. все-таки более благополучна, чем Иова: он не поражен проказой, у него не погибли близкие. Но было бы бесполезно судить, кому хуже. Ведь человек живет не просто в реальном мире, а в некотором мироощущении. Страдания молодого Маяковского по поводу того, что любимая женщина не хочет ему отдаться, не менее сильны, чем страдания Иова. В сущности они и были главной темой его поэзии. Как заметила когда-то Надежда Яковлевна Мандельштам, основная тема поэзии Маяковского формулируется так: "Мама, почему она мне не дала?" Это совершенно серьезно, у Надежды Яковлевны был абсолютный слух на поэзию. Это тоже тема для поэзии - гораздо более подлинная, чем "я себя под Лениным чищу". В ней проявляются отнюдь не фиктивные страдания, так что ситуация Маяковского - это тоже Иов-ситуация, закончившаяся трагично. Можно говорить о Иов-ситуации у людей, привыкших к некоей гарантированной жизни в условиях Советского Союза, в том числе к гарантированной зарплате (что у нас называется превратно - социальной защищенностью). На самом деле многие получали даровые деньги, никак не связанные с реально затраченным трудом. Сегодня много попавших во фрустрацию, потому что эта даровая зарплата стала ничем и надо жить по-другому, надо делать что-то иное, а не ждать, что власть обеспечит право на труд и на отдых во время труда. Мир становится странным, бессмысленным, абсурдным - это тоже Иов-ситуация. И опять сказать, что человек страдает просто по своему непониманию реально происходящего, нельзя: человек страдает действительно. Страдания человеческие - это реальность.

Важный вопрос заключается в следующем: почему Иов-ситуация связана с амнезией? Причем амнезия - не просто забывание того, что следует помнить, а трансформация памяти. Амнезия может быть позитивной и негативной. В случае Иов-ситуации имеется амнезия двух сортов. Первая - забывание того, что следует помнить. Человек забыл свою главную человеческую функцию - осмыслять мир, в котором живет, вносить в него некоторую осмысленность. Человек есть орудие внесения в жизнь смысла. Блок так определял задачу поэта. Можно сказать, что Адам, который "нарек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым" (Быт. 3 3:20), тоже занимался именно этим. Но не только Адам и не только поэт: это функция любого человека - осмыслять жизнь, вносить некий смысл в мир, вербализуя его. Когда человек забывает об этом, он гибнет. Это - амнезия. Дело не столько в поисках утраченного времени, сколько в поисках утраченного смысла, в обретении смысла. Это не противоречит, кстати, Прусту. Дело не просто в том, чтобы вспомнить, что было, а в том, чтобы осмыслить то, в чем ты живешь. Но есть и другая амнезия, когда человек не может нечто забыть и отбросить, не может освободиться от груза того, что должно быть преодолено. Он живет полностью в ситуации своих страданий, в ситуации их бессмысленности. Он не может отрешиться от этого. Он все время смотрит, как жена Лота, назад, на то, откуда вышел. И поэтому его ситуация безнадежна, пока он этого не забудет. Для истории библейского Иова (история с трагическим, но добрым исходом) очень характерно, что Иов жалуется на многое, но не занимается ностальгией: как было хорошо, когда были живы дети и цело утраченное имущество. Этого вы в Библии не найдете. Вы найдете массу всего другого, кроме вот той ностальгии по утраченному. Иов в этом уже не живет, он живет как человек, на котором уже стоит печать посланных Богом страданий и никакой попытки жить прошлым здесь нет и следа. Наоборот, Иозеф К. (я сейчас буду говорить о герое романа Ф. Кафки "Процесс") все время не может отрешиться от того, как он жил до того. Он все еще живет в ситуации благополучного прокурриста, благополучного служащего. Он все время

пытается решить свою ситуацию теми средствами, которыми привык решать свои ситуации и в нормальных житейских условиях. Роман написан очень интересно там идет как бы длинная подготовка к ключевой сцене в соборе, после чего развязка наступает очень быстро.

А ключевая сцена - это встреча Иозефа К. со священником в соборе, причем этот священник называется в тексте романа "тюремный капеллан", т.е. он несет как бы двойственную функцию он не только священник, который должен помочь внести смысл в сложившуюся ситуацию, но и человек, связанный с тайнами правосудия, который может, как надеется герой, помочь ему. И Иозеф пытается использовать этот шанс чтобы попросить помощи, помощи в самом простом житейском смысле. Он просит помочь не в осмыслении, а в уклонении от ситуации, в уклонении от опасности. При этом он говорит священнику о том, что пытался обращаться к влиятельным женщинам. Женщины могут многое делать в этой жизни, через них можно повлиять, на сильных мира сего. И Иозеф К. все время ждет от священника такой же помощи, он не слышит его обращения, посвященного так сказать, смыслообразующим вещам, а пытается использовать встречу в соборе как еще один шанс убежать от ситуации. Преодолеть ее теми способами, которые он применял в обычной жизни до попадания в эту ситуацию. Тем самым он не может освободиться от груза предыдущего, он в нем плотно завяз. Вот здесь как раз нет забывания того, что надо забыть, и надо преодолеть.

В сцене собора самая замечательная вещь - ключевая заставка в виде притчи. Священник рассказывает Иозефу К. притчу о поселянине, который пришел к воротам закона, а у врат стоит стражник, который его не пускает. И когда он просит пропустить его, стражник говорит, что это бессмысленно, там еще ворота, там другие стражники, гораздо сильнее меня, которые тоже могут тебя не пустить. Поселянин пытается подкупить стражника, тот берет все и говорит: "Я беру просто для тебя же, чтобы ты не думал, что ты что то не сделал, что ты не сделал чего-то из того, что ты считаешь, нужным сделать". Но это не меняет решения стражника. Он не говорит. "Проходи". Хотя нигде не сказано, что он его силой не пускает, этого тоже нет. И кончается ситуация в притче так, что поселянин уже умирает, и тогда стражник говорит: "Я сейчас уйду, потому что я тут стоял в воротах которые были предназначены для тебя. Это были ворота только для тебя, больше они никому были не нужны." То есть оказывается, что поселянин не воспользовался тем единственным путем, который ему был дан, но путем, который требовал стучаться в ворота, требовать. Он не сделал ровно того, что все время делает Иов, который все время стучится к Богу, как наставляет Писание: "Стучите и отворят вам" (Матф. 7:5). Иозеф К. эту евангельскую заповедь не исполняет. И тогда он начинает спрашивать священника: "Ведь привратник обманул поселянина, он не сказал ему главного" Но привратник не сказал поселянину и обратного.

У Иозефа К. происходит странное отождествление. Он отождествляет мысленно себя с поселянином, а привратника со священником. И тем самым, раз привратник обманщик, то и священник обманщик. Иозеф К. говорит это в лицо священнику, хотя священник пытается ему говорить о вине, о вине метафизической, а не только о вине, по которой возможен процесс. Потому что здесь грозит наказание не только за конкретную, совершенную им юридическую вину, а здесь речь идет о некой метафизической вине, вине не перед людьми, о вине перед истоками бытия. Мы в данном случае избегаем употреблять теологическую терминологию, хотя все это имеет чисто теологический смысл. Однако нам хотелось бы оставить некоторую степень свободы для тех, кому напрашивающиеся теологические интерпретации были бы неприемлемы, или мешали бы понимать. Думаем, что все это можно понимать и в таких словах-терминах, в которых это сейчас артикулировано.

Есть книжка писателя Бориса Хазанова "Хождение по водам". Там приводится ряд его писем которые называются "Письма без штемпеля". Эти письма адресованы второму автору этой статьи, хотя его собственные письма там не опубликованы. В этой книге приводятся лишь письма самого Хазанова. В одном ИЗ этих писем он упоминает Иова, и Иозефа К. (с. 211). Он не говорит об Иов-ситуации но он говорит о собственном переживании одиночества в абсурдном мире. Заметьте слова "одиночество в абсурдном мире" неприменимы к библейскому Иову.

Во-первых, там нет одиночества, там есть друзья, есть спор с друзьями. Во-вторых, мир не абсурден для Иова, в мире есть Бог, который несовместим с абсурдом. Абсурдно его непонимание, и он рвется преодолеть этот абсурд. А притча о привратнике - это притча о нехватке дерзновения у героя, нехватке того дерзновения, которое только и помогает преодолеть абсурд.

И здесь может быть любопытна интерпретация Иов-ситуации Борисом Хазановым. Это не теологическая интерпретация, более того, это просто неадекватная интерпретация. Но она интересна как интерпретация с точки зрения Иозефа К., с которым Хазанов в этой книге себя отождествляет. Я хорошо представляю, к какому периоду относилось его ощущение одиночества в абсурдном мире. Дело в том, что когда Борис Хазанов был студентом 5-го курса филфака, он был арестован и провел 5 лет в лагерях (это были еще сталинские времена). И ощущение страха, абсурда ареста, которого ждали более или менее все, было всеобщим. Хотя это был еще благополучный период, Хазанову "повезло", он попал в тот момент, когда давали либеральные сроки - пятилетние. Потом давали гораздо больше за то же самое.

Ощущение одиночества характерно еще тем, что "со мной-то происходит абсурд". Человек часто (особенно это было характерно в конце 30-х годов) рассуждал примерно так: "С другими происходит правильно, но вот я-то не виноват". Подспудно всегда была мысль: "Со мной-то абсурд". Человек не примерял свою ситуацию на всех, что характерно для менталитета советизированной интеллигенции тех лет. Не было солидарности и ощущения общей угрозы для всех. Угрозы метафизической, ибо она заключалась в самой структуре того страшного общества, в котором мы все жили.

Важно здесь то, что Б. Хазанов разделяет мысль Иозефа К. (не тождественную взгляду самого Кафки, как это видно из весьма многозначительной притчи о привратнике) о том, что мир не просто погряз в абсурде, но и по природе своей абсурден. Это уже не грехопавший мир, но мир, созданный дурным творцом, созданный и замысленный как нечто абсурдное. Это типично гностический взгляд на мир и Творца мира, взгляд, полный беспросветного пессимизма. Осознание того, что собственная ситуация тупикова в том смысле, что не может быть решена житейскими средствами, влечет потребность рассмотреть эту ситуацию в контексте теодицеи. Но при этом вместо спора с Богом, вместо вопля к Богу, ему выносятся обвинительный приговор, не подлежащий обжалованию. Реальная метафизическая угроза человеческому существованию оценивается при таком подходе как экзистенциальный тупик, в то время как библейский Иов в этот тупик не попадает: его спор с Богом есть прежде всего спор о правоте Бога, который не карает невинных, к которому можно достучаться и позволительно возопить. В то же время у Иозефа К. произошла полная амнезия в той сфере, в которой у него расположена память о присутствии Бога.

Очень важно подчеркнуть следующий принципиальный момент. Иов-ситуация может быть преодолена только при очень точном отношении к миру. Здесь всегда есть две противоположные опасности.

Первая опасность, которую можно условно назвать "опасность янсенизма", т.е. опасность идеологии, которую в XVII в. выразил епископ Кира Янсениус в книге "Августинус". Эта идеология подробно изложена в знаменитой "Логике" Пор Рояля. Янсенизм - еретическое учение о предопределении, близкое к кальвинизму (его не чужд был Блез Паскаль), учение о том, что большинство людей плохи и есть только малая часть избранных, за которых принес искупительную жертву Иисус Христос. Все остальные осуждены на гибель, благодать на них не распространяется, поэтому само наказание уже свидетельствует о вине. На такой позиции, в сущности, стоят друзья Иова, которые говорят ему: "Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы? Как я видел, что оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его" (Иов 4:7-8). И вот с этим Иов не соглашается, он бунтует против глупости своих друзей, против их неправильного понимания благодати, неправильного понимания смысла всего происходящего. Можно сказать, что он бунтует против янсенистской точки зрения его друзей.

В нашем обществе скорее распространена другая крайность: "не я плох, а мир плох. Мир плох по природе, мир абсурден не в силу того, что я не могу этот абсурд преодолеть, а в силу того, что он так устроен, так создан". Вот эту разновидность ереси можно охарактеризовать как гностицизм. Это гностическая точка зрения: "мир создан дурным творцом и поэтому он абсурден". Эта точка зрения популярно изложена в книге Анатоля Франса "Восстание ангелов". Все то, что читает падший ангел Аркадий - литература гностическая. Об этом читателя не предупреждают и у читателя может создаться впечатление, что он читает христианскую литературу. В действительности он читает гностических авторов. А основная ошибка гностиков состоит в том, что мир абсурден. Раз мы живем в дурном, абсурдном обществе (потому что другою и не может быть), то человек смиряется с абсурдом и забывает о своей функции - преодолении абсурда.

Так вот, Иов-ситуация может быть преодолена, только если ее субъект не попадает в одну из этих двух ловушек - не примет ни одной из ошибочных точек зрения. Слово "ересь" мы здесь употребляем технически, даже не как осуждение, а как некоторую неполноту истины. Ересь есть готовность принять неполную истину как полную.

Когда у Иозефа К. возникает конфликт со священником, он не может принять того, что священник говорит ему. Иозеф К. говорит священнику, что "тут есть ложь и в притче есть ложь, и в твоих толкованиях есть ложь". На что священник ему отвечает: "Не надо все принимать за правду, но надо понимать необходимость всего". Понимать необходимость всего - это и значит понимать мир, как целое, как нечто осмысленное в своей целостности, в котором нельзя видеть только часть ситуации. Видение части создает представление о бессмысленности и безвыходности. Однако в контексте целостного мира все приобретает смысл, который можно открыть, который в конце концов может быть доступен человеку... хотя бы по человеческим меркам. Отказ от смыслообразующей функции и есть основной провал героя романа Кафки, и основная беда, которая грозит всем нам, когда мы попадаем в Иов-ситуацию.

Мы все рискуем в нее попасть. Это отнюдь не академическая тема, а вопрос практического поведения и понимания творящегося в мире.

Архетип Иов-ситуации каждый раз проявляется в новых исторических условиях, но ощущение незаслуженной и неожиданной катастрофы переживается ее героем с той же силой. Меняется в соответствии с общей ситуацией и личными притязаниями, уровень отсчета потерь. Библейскому праведнику Иову комфорт и защищенность существования Иозефа К. до начала "процесса" показались бы чем-то весьма убогим: без семьи, без

осязаемого имущества, без патриархальной вольности кочевой жизни. Иозеф К. мог бы впасть в ужас от страхов и неопределенностей, в которые погружен наш средний соотечественник - современник.

Меняется и более существенный компонент ситуации - представление о невинности. В Библии про Иова заранее говорится, что "был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла" (1:1). Невинность в данном случае означает больше, чем отсутствие дурных поступков, - это еще и справедливость к окружающим и почитание Бога. В отношении Иозефа К. можно сказать только то, что дурного за ним не числилось. Невинно пострадавшим часто чувствует себя тот, кто уверен, что он не хуже других.

С психологической точки зрения существенно лишь то, считает ли себя действующее лицо невинно страдающим. Но с теологической позиции смысл ситуации зависит от того, является ли ее субъект праведником или на нем лежит определенная вина? В первом случае речь идет об испытании субъекта, во втором - о наказании и одновременно предупреждении. Библейскому Иову окончательный вердикт выносит тюремный капеллан, решительно отвергающий правоту суждений героя. Верное суждение героя о собственной ситуации засчитывается ему в оправдание, а ложное - вменяется в вину. Итак, осознание и оценка героем своего положения есть важный компонент ситуации, в которую тот попал. Этот смысл доносят до читателя библейская притча и ее рефрен, созданный Ф. Кафкой. Иначе говоря, мало быть праведником в поступках и помыслах, надо еще быть верным в рефлексивной оценке того и другого. Пока нет верной оценки происходящего, нет и обретения смысла, экзистенциальная ситуация неразрешима, а вопрошания суждено остаться безответными. Таков общий итог библейского и кафкианского повествований.

ПРИМЕЧАНИЯ:

** Доклад на Российско-французской конференции "Психоанализ и наука". Москва, май. 1992 г.

*** Мы будем предполагать знакомство читателя с этой книгой и потому не станем ее специально цитировать, но лишь будем упоминать о ее содержании там, где понадобится. Тем более, что об интерпретации истории Иова и определении Иов-ситуации мы уже опубликовали статью (Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. [ИОВ-СИТУАЦИЯ: ИСКУШЕНИЕ АБСУРДОМ](#) (Философская и социологическая мысль, 1991, № 8, с. 41—53)). Довольно любопытно, что тема страданий Иова серьезно притягивает людей сегодня. В третьем номере "Нового мира" за 1992 г. есть, на наш взгляд, очень интересная статья Сафровского о книге Иова, написанная, по-видимому, в то же время, когда писали и мы. Написана она, может быть, более художественно, с большим накалом эмоций, чем написали мы, но ее мысли близки по духу нашей интерпретации.